

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.1

М. Э. Дубровина

ОБ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННОЙ ФОРМЫ С ПОКАЗАТЕЛЕМ -GAN В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье предпринимается попытка анализа глагольной формы *-gan* узбекского языка. Автор на конкретном материале, используя также данные других тюркских языков, стремится показать, что функциональные возможности этой формы и аналогичных ей форм в других тюркских языках намного шире, чем у причастий русского языка. Узбекская форма имеет не только атрибутивную, но и субстантивную функцию. В предложении она способна выступать и как определение, и как дополнение. Вследствие чего автор предлагает продолжить работу по поиску подходящего термина для обозначения таких морфологических форм в тюркских языках. Библиогр. 24 назв.

Ключевые слова: грамматика тюркских языков, словоизменение, узбекский язык, причастия, глагольно-именные формы, инфинитивные формы, глагольные имена, функциональные формы глагола.

TYPOLOGICAL ANALYSIS OF THE PARTICIPLE WITH AFFIX GAN IN THE UZBEK LANGUAGE

M. E. Dubrovina

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

In this article the author attempts to analyze the verb form *-gan* of the Uzbek language. Author on the particular material (using the facts of some of the other Turkic languages) tends to show that the functionality of this form and similar forms of it in other Turkic languages is much wider than that of the participles of the Russian language. Uzbek grammatical form hasn't only attribute, but also substantive functions. In sentence it can also act as a attributive adjunct, and as a complement (object). The result is that the author propose to continue the work of finding an appropriate term for these forms of Turkic languages. Refs. 24.

Keywords: Grammar of Turkic Languages, Uzbek language, participle.

Автором настоящей статьи в очередной раз [1] предпринимается попытка рассмотреть глагольно-именную форму узбекского языка с показателем *-gan* и ее производные, которые традиционно именуются причастиями. Перед автором стоят две цели: во-первых, описать основные функции этих форм в узбекском языке

и выявить, таким образом, их функциональную сущность. Во-вторых, на основании проделанного описания и анализа предполагается ответить на вопрос, являются ли форма *-gan* и ее производные чистыми причастиями в строго терминологическом плане.

В чем собственно заключается ядро высвеченной проблемы? На сегодняшний момент практически общепризнанным предстает мнение о том, что форма *-gan* узбекского языка — это причастие. Позиция исследователей узбекского языкознания по этому вопросу опирается, бесспорно, на общетюркологическую традицию, которая трактует аналогичные глагольно-именные формы любого тюркского языка в качестве причастий [2]. По мнению автора настоящей статьи, термин «причастие» едва ли уместен, когда речь идет об узбекской форме *-gan*.

Можно согласиться с теми тюркологами, которые полагают, что термин «причастие» был привнесен в тюркологию из индоевропейского языкознания, в частности русистики. В связи с чем и понимание этого термина также в основном базировалось на трактовке русских или, шире, индоевропейских причастий. В тот период истории, когда тюркские языки только начинали изучать и составлять по ним первые описательные грамматики, становилось ясно, что многие тюркские языковые явления вследствие своей экзотичности не укладывались в имеющиеся уже грамматические представления. Поэтому авторы были вынуждены давать им названия, привычные для индоевропейцев, и приблизительные трактовки, которые были бы понятны носителям европейских и, в частности, русского языков. В таком подходе не было ничего крамольного, ведь задачи тюркологии того времени состояли в том, чтобы дать первичные сведения о многочисленных тюркских языках. Сегодня же они, по нашему мнению, изменились. Теперь во главу угла исследователи ставят постижение функционального и семантического своеобразия языка и его составляющих. При таком функционально-семантическом подходе любой используемый термин должен отражать языковую сущность описываемого средства и, кроме того, быть понятным (прозрачным) для исследователей разных языков.

Таким образом, если исходить из того, что термин «причастие» пришел в тюркологию из индоевропейистики, следует признать и то, что разработан он был в опоре на материал европейских и русского языков. Исследования в области русистики привели к пониманию причастий, согласно которому «причастие — это именная форма глагола, грамматически изменяющаяся (в русском языке) подобно именам прилагательным и обозначающая действие, приписываемое лицу или предмету как их признак, проявляющийся во времени» [3, с. 363; 4, с. 272]. Автор настоящей статьи предлагает понимать под причастием исключительно **атрибутивную (адъективную) глагольную форму** исходя в таком понимании именно из традиции европейского, в частности русского, языкознания. Репрезентация действия, имеющегося в значении исходного глагола, в виде **признака** [5, с. 120] хорошо прослеживается в примерах употребления причастий в известных нам европейских языках:

Англ.: A **dancing girl** ‘танцующая девочка’; He watched the **falling snow** ‘Он смотрел на падающий снег’; The clouds were lit up by the **setting sun** ‘Облака были освещены заходящим солнцем’; A **well-bred woman** ‘Хорошо воспитанная женщина’; **Broken leg** ‘сломанная нога’; **Lost time** ‘потерянное время’.

Нем.: Der **antwortende** Student stand am Tisch ‘**Отвечающий** студент стоял у стола’; Die **erfüllte** Arbeit war kompliziert. ‘**Выполненная** работа была сложной’; Die **angekommenen** Delegierten versammelten sich im Kreml ‘**Прибывшие** делегаты собрались в Кремле’.

Рус.: Господин... со своей соседкой, **курящей** дамой в полумужском пальто, пошли пить чай на станцию (Л. Толстой. С. 116). Он, подъезжая к церкви, стал встречать народ, **шедший** и **ехавший** оттуда (Л. Толстой. С. 246). Машина, мерно клокоча двигателем, **работающим** вхолостую, стояла на месте и все шарила и шарила своими тремя прожекторами по **запущенным** могилам, по **покосившимся** ржавым крестам и плитам, по неряшливо **разросшимся** кустам рябины, по гребню трехметровой стены, **обрывавшейся** слева (Струг. С. 203).

При сравнении случаев употребления причастий европейских и русского языков обращает на себя внимание то, что причастия таких языков, как английский и немецкий, наряду с атрибутивной функцией имеют еще и *обстоятельствственную*, у русских же причастий такой функции, как представляется, нет.

Англ.: They passed me **talking** loudly ‘Они прошли мимо, громко **разговаривая**’; He sat at the table **thinking** ‘Он сидел у стола **задумавшись**’; Seriously **injured** he continued running ‘**Будучи** серьезно **раненым**, он продолжал бежать’; **Entered** the building, he headed for the main office ‘**Зайдя** в здание, он направился к главному офису’ (см.: http://www.alleng.ru/mybook/3gram/6verb_nonfin_part1.htm).

Нем.: Der Junge, **über die Straße laufend**, beachtete den Verkehr nicht ‘Мальчик, перебегая улицу, не обращал внимания на светофор’.
Die Touristen, **am Morgen in Köln angekommen**, gingen zuerst zum Kölner Dom ‘Туристы, **прибыв утром в Кельн**, прежде всего пошли к Кельнскому собору’.
An dem Theater vorbeigehend, begegnete er seinem Freund ‘**Проходя мимо театра**, он встретил своего друга’ (см.: <http://www.languages.ru/prichde.htm>).

Особенностью русских причастий является то, что помимо временных и таксисных характеристик (прошедшее — настоящее, предшествование — одновременность) эти формы способны передавать и видовые значения — совершенный/несовершенный вид: **воздвигавшееся** здание (несов. в.) — **воздвигнутый** памятник (сов. в.), **решавший** (несов. в) задачу ученик — **решивший** (сов. в.) задачу ученик.

Исходя из фактического материала рассмотренных языков, можно согласиться с теми лингвистами, которые утверждают, что причастия в разных языках имеют свои особенности и своеобразие. Эти особенные черты наблюдаются и у тюркских причастий. Но автор статьи полагает, что своеобразие формы не должно выходить за пределы допустимого, после чего одна языковая единица становится абсолютно иной единицей языка. Как представляется, подобное происходит и при оценке тюркских глагольно-именных форм, когда причастием начинают называть такие формы, функции и характеристики которых явно выходят за пределы собственно причастных.

Не имея возможности опираться на аналогичные формы в европейских языках, тюркологи попросту договорились именовать определенные глагольно-имен-

ные формы причастиями, а затем они обрисовывали функциональные возможности таких форм, говоря, что тюркские причастия обладают уникальным набором признаков, что является, в свою очередь, уникальной особенностью этих языков. Подобный подход, по мнению автора статьи, является бесперспективным и нередко тупиковым, ведь он не позволяет исследователям по-настоящему проникнуть вглубь языковой системы и постичь значимость конкретной языковой формы.

Позволим себе показать историю проблемы. Так, С. Н. Иванов, пытаясь максимально точно обрисовать функциональные возможности изучаемых тюркских глагольных форм, в термин «причастие» вкладывал расширенный смысл и в одну категорию причастий турецкого языка объединял формы, имеющие по сути разные функции: атрибутивные (-*an*), атрибутивно-предикативные (-*ar*, -*miş*), атрибутивно-субстантивные (-*dik*) и атрибутивно-субстантивно-предикативные (-*acak*) [6, с. 35].

В. Г. Кондратьев при описании строя древнетюркского языка также под причастиями понимал любые глагольно-именные формы, способные употребляться атрибутивно, но при этом делил их по тем **дополнительным** функциям, которые они имеют: причастия, по его мнению, состоят из *атрибутивных* (-*зма*, -*глы*, -*гучы*, -*дачы*) и *субстантивно-атрибутивных* (-*р*, -*мыш*, -*дык*, -*гу*, -*гулук*, -*йук*, -*сык*) форм [7, с. 93]. Критерием их различия, согласно В. Г. Кондратьеву, является то, что *атрибутивные* формы могут функционировать как определения с присущим им агентивным значением (определяемое является производителем действия), а *субстантивно-атрибутивные* формы могут функционировать и как атрибутивы без агентивного значения, и как субстантивы. С. Н. Иванов, В. Г. Кондратьев и многие другие тюркологи, вводя подобные оговорки, очевидно, осознавали, что в исследуемых тюркских языках обнаруживаются такие формы, которые действительно чрезвычайно близки по своим функциям причастиям европейского образца, но есть и такие, которые *лишь отдаленно напоминают* причастия.

Ж. Дени, например, относил причастия турецкого языка по функциональным признакам к «адъективной группе» неличных форм глагола. Однако такие «причастные» формы, как -*dik* и -*yacak*, одновременно включены им и в отдельную группу *formes substantives (Déclinables) du Verbe*, в которую входят также имена действия (масдары) и инфинитив [8, р. 454, 460–462, 508–509]. Из чего становится ясным, что он не считал формы с показателями -*dik* и -*yacak* причастиями, он называл их «пропартисипами» [8, р. 477–484, 508–509].

Предположения Ж. Дени и его сомнения насчет того, чтобы отнести формы -*dik* и -*acak* к причастиям, отчасти обусловили появление работ, в которых стало проводиться четкое разграничение форм причастий и таких форм, как -*dik* и -*acak*, как форм **функционально нетождественных, которые имеют разные грамматические значения и разные коммуникативные предназначения**. Анализируя материал староанатолийско-тюркского, турецкого и многих других тюркских языков, В. Г. Гузев разработал концепцию вторичного гипостазирования, в которой справедливо и доказательно выделил те частные категории, которые могут иметь место у тюркского глагола [9, с. 56–64; 5, с. 115–129]. По его мнению, которое было уже апробировано в работах Н. Э. Гаджихмедова [10, с. 18–19, 61–67], Н. Н. Телицина [11, с. 96–103; 12], М. Ш. Маматова [13, с. 41–52; 14], Н. Н. Тыдыковой [15], турецкой исследовательницы Озлем Йылмаз [16], автора настоящей статьи [17; 18], именные

формы глагола делятся на четыре категории: на категорию имен действий (масдаров), категорию причастий, категорию субстантивно-адъективных форм (САФов) и категорию деепричастий. В связи с интересующей нас темой остановимся на характеристике двух категорий — причастий и САФов.

Причастия — это глагольно-именные формы, представляющие действия в виде признака [9, с. 59]. Они способны выполнять исключительно *адъективную* функцию, т. е. это глагольные атрибутивы. При этом представляемое действие может быть как сопряжено со своим субъектом, тогда определяемый предмет будет обозначать производителя действия (в этом случае можно говорить о наличии у формы «агентивного значения» [19, с. 137]), так и не сопряжено, тогда определяемое слово может обозначать время, место действия и т. д. На эту специфическую черту тюркских причастий, отличающих их от причастий русского языка, неоднократно обращали внимание тюркологи [6, с. 35].

В отличие от причастий категория субстантивно-адъективных форм (САФов) — это совокупность таких глагольно-именных форм, которые способны представлять действие и как предмет, и как признак [9, с. 60]. Эти формы нельзя отождествить ни с именами действия, ни с причастиями, так как они имеют ряд семантических и функциональных особенностей, отличающих их от названных форм. От имен действий (масдаров) эти формы отличаются тем, что, во-первых, способны быть не только глагольными субстантивами, но и глагольными атрибутивами, а во-вторых, в сфере субстантивного использования САФы способны передавать значение времени [20, с. 312]. От причастий САФы, как будет показано ниже, отличаются своей **двухфункциональностью**, они могут употребляться как в атрибутивной функции, так и в субстантивной.

В качестве иллюстрации обратимся к материалу турецкого языка. В современном турецком языке к категории причастий можно отнести формы с показателями *-yan*, *-ar*, *-miş* (две последние формы исторически явно уже отпочковались от временных форм с аналогичными аффиксами и стали самостоятельными). Рассмотрим примеры турецкого языка, демонстрирующие функциональные возможности указанных причастных форм.

Форма *-yan*:

Arkadaşlarının düştüğünü gör-en çocuklar, onlara yardım etmek için koşuştular (VÖ, MA, С. 82) 'Дети, **которые увидели**, что их друзья упали, подбежали к ним, чтобы помочь' (букв. 'Своих друзей падение **увидевшие** дети').

Bi sırada deliğe gir-en ikinci kol çıktı (VÖ, MA, С. 88) 'В это время вышел второй отряд, **который вошел в пещеру**' (букв. 'В это время в пещеру **вошедший** второй отряд').

Susa-y-an çocuklar hızla çeşmeye doğru koşuyorlar (информант) 'Дети, **захотевшие пить**, быстро бегут прямо к ручью' (букв. 'Хотевшие **пить** дети быстро к ручью прямо бегут').

Форма *-miş*:

Sonra renk renk elbiseler giy-miş çocuklar gördüler (VÖ, MA, С. 92) 'Потом они увидели детей, **одетых** в разноцветные платья'.

Форма *-ar /-maz*:

Şaş-maz atıcı olmaz, yanıl-maz bilge olmaz (СНП, ПП, С. 177) 'Нет стрелка, который не промахнулся бы, нет ученого, который не ошибся бы' (букв. 'Не промахнувшегося стрелка нет, не ошибающегося ученого нет').

В категорию САФов турецкого языка исходя из вышеуказанных критериев включают формы с показателями *-dik* и *-yacak* [16, с. 61].

Атрибутивная функция этих форм проявляется в следующих примерах:

Küçükten beri yanımda dolaşmadığı (1) yer, görmediği (2) terasım, tanımadığı (3) insan, öğrenmediği (4) lisan kalmadı (YKK, KK, 118) 'С малых лет он был рядом со мной, и не осталось ни одного места, где бы он ни побывал (1), ни одного торжества, на котором бы он ни присутствовал (2), человека, с которым бы он ни познакомился (3), языка, которого бы он ни выучил (4)'.

Mesrure'nin bütün tadı benim için bundan ibaret kalmıştı. Hayatta görüş göreceğim tek aşk (RNG, MT, 30) 'Вся прелесть Месруре сосредоточилась для меня в этом. Единственная любовь, которую я встретил и еще могу встретить в жизни'.

В следующих примерах иллюстрируется субстантивная функция этих форм.

Onun da benden memnun olduğunu hissediyorum (S. Ali. KMM) 'Я чувствовал, что он тоже доволен (букв. его «бытие довольным») мной'.

Annemle gitmediğine pişman oldum (R. Enis. Kapın pamına) 'Я раскаялась, что не пошла (букв. в своем «нехождении») с матерью'.

Необходимо подчеркнуть, что именно формы *-dik* и *-yacak* тюркологами функционально соотносятся с формой *-gan* и ее производными в узбекском языке [19, с. 49–51; 16, с. 61]. В этой связи форма турецкого причастия *-yan* едва ли по своим функциям близка узбекской форме, так как в современном языке форма *-yan*, будучи причастием, не может употребляться в субстантивной функции.

Причастные формы турецкого языка, как любые причастия, способны субстантивироваться, но их грамматическая сущность сводится к тому, чтобы быть глагольными атрибутами, это чисто *адъективные* формы, и собственно *субстантивной* функции они лишены. В этом отношении термин «причастие» полностью оправдан, турецкие формы *-yan*, *-ar*, *-miş* по своим функциям полностью соотносятся с причастиями европейских языков.

Возвращаясь к глагольно-именной форме узбекского языка, необходимо отметить, что функции форм с показателем *-gan* шире, чем функции турецких причастий. Об этом свидетельствует фактический материал узбекского языка. Как будет продемонстрировано ниже, форма *-gan* кроме адъективной функции обладает и субстантивной. Рассмотрим примеры.

Адъективная (атрибутивная) функция форм *-gan* и ее производных

kelgan mehmon 'приходивший (пришедший) гость', но *qo'rqqa odam* 'боявшийся человек', *ekkan dehqon* 'засеявший земледелец'.

yoziladigan asarlar 'произведения, которые будут написаны'; *qilinmaydigan ishlar* 'невыполнимые работы' / 'дела, которые не будут выполнены'.

Однако наряду с адъективной функцией формы *-gan* нередко употребляются в субстантивной функции. Способность этих форм представлять «опредмеченное» действие не позволяла С. Н. Иванову, который подробнейшим образом исследовал эти формы, именовать их причастиями. Ученый указывал на то, что «форма на *-gan* по своим грамматическим особенностям чрезвычайно своеобразна и не имеет прямых соответствий в индоевропейских языках» [19, с. 3]. Очевидно, эти же причины лежали в основе колебаний между употреблением термина «причастие» и просто «формы на *-gan*», которые наблюдались у Н. К. Дмитриева при описании форм *-gan* кумыкского и башкирского языков.

Однако представляется необходимым озвучить позицию авторов по вопросу о сущности субстантивной функции исследуемой формы. Здесь прежде всего важно видеть разницу между явлением *окказиональной субстантивации* и *субстантивным использованием* рассматриваемой глагольной формы. При *окказиональной субстантивации* форма *-gan* в определенном контексте начинает обозначать предмет, деятеля, тем или иным образом связанного с действием. В данном случае эта форма не становится именем существительным, но ведет себя в контексте как имя существительное, *окказионально* (т. е. только на момент высказывания) выражая информацию о *предмете, носителе признака*. В русском языке исследователи также выделяют случаи, когда причастия выступают в функции имени существительного, например: *Говорящие* вдруг умолкли. Мне совестно было сказать, что смотреть не стоит, и *показывающий*, вероятно, на это рассчитывал (Л. Толстой. С. 143).

В узбекском языке также все формы с показателями *-gan* могут *окказионально субстантивироваться* и принимать аффиксы множественности, падежа и принадлежности, при этом они свободно выполняют в высказывании синтаксические функции имени существительного (функцию подлежащего, дополнения).

1. Cho'kayotgan cho'rga uopishar (Maqollar.) '*Утопающий держится даже за ветку*'.

2. Elini hurmat qilganni el ham izzat qiladi (информант) '*Народ обожает того, кто уважает (уважающего) свой народ*'.

3. Zahmat bilan topganingni o'zingdan ayama, mehnat bilan yiqqaningni boshqalar uchun asrama (Maqollar.) '*Найденного с трудом не жалея для себя, собранного с трудом не сохраняй для чужих*'.

Когда же речь идет о *субстантивном* использовании формы *-gan*, то в этом случае форма сигнализирует о *факте совершения действия*, а не о предмете, наделенном признаком, в виде которого выступает исходное действие. В русском языке в аналогичных ситуациях обычно используется оборот «то, что кто-то сделал», например: 'я знаю о том, что ты натворил'; 'я уверен в том, что ты не расквашешься'. В этом случае форма представляет действие в некоем предметном образе, т. е. носитель языка уже отходит от собственно причастного использования этих форм, с их помощью он сообщает о факте совершения действия.

Рассмотрим примеры употребления в субстантивной функции формы с показателем *-gan*.

Jahon iqtisodi va diplomatiya universiteti qayerda joylashganini aytib berolmaysizmi? (So'zl.) '*Вы не можете подсказать мне, где находится Университет мировой экономики и дипломатии?*'

В этом примере словоформа **joylashganini** употребляется не как субстантивированное причастие «находящийся», а как средство выражения «опредмеченного» действия, близкого к русскому отглагольному существительному «нахождение». Именно наличие такой *субстантивной* функции отличает это узбекское «причастие» от турецких причастий *-an, -ar, -tı* и от русских причастий, так как ни в турецком, ни в русском языке указанные причастия не могут быть использованы в подобном качестве.

Именно в таком ключе рассматривает форму *-gan* М. Ш. Маматов [13, с. 46–49]. Будучи сторонником концепции В. Г. Гузева, он также выделяет в узбекском языке категорию **субстантивно-адъективных форм**, характеризуя ее в качестве совокупности форм, имеющих два значения: 1) действия, представляемого в виде признака, 2) действия, представляемого в виде предмета [13, с. 46]. М. Ш. Маматов в ходе анализа приходит к выводу, что формы с показателями *-gan* и *-yotgan* представляют собой не причастия, а субстантивно-адъективные формы (САФы) [13; 14, с. 43].

В узбекском языке формы с показателем *-gan* в таком субстантивном, но не в субстантивированном виде также ведут себя в высказываниях как имена существительные. Они способны выступать в тех же синтаксических функциях, что и существительные, и принимают аффиксы принадлежности и падежей.

Функция дополнения:

Buyruqlarning ko'pini xizmatkorlar Yormatning o'zi to'qiganiga ishonardilar (Oybek. "Qutlug' qon") 'Рабочие были уверены, что большинство распоряжений выдумал (букв. уверены в выдумывании) сам Ярмат'.

Sizni uchrata olganimdan juda xursandman (A. Muxtor. "Chinor") 'Я очень рада, что успела вас встретить' (букв. рада от моего «встречания»).

Словоформа **uchrata olganimdan** никак не может соответствовать русскому причастию «встречающий», она скорее соотносится с русским существительным *встреча*, а точнее, с оборотом типа «от своего встречания», «от того, что я встретила».

То же самое можно было бы сказать и о следующих формах, которые представляют собой производные формы *-gan*, тем самым обладая теми же функциональными возможностями.

Jalolov, kolxozchilar ichida unga ishonchsizlik bildirayotganidan jahli chiqa boshladi (Sh. Rashidov. "Bo'rondan kuchli") 'Джалалов начал сердиться на то, что колхозники между собой выражали ему недоверие (букв. от сообщения; от того, что они сообщали)'.

Va'zi qizlar nikoh vaqtida uning shoshganligidan kulishgan ekan (Oybek) 'Некоторые девушки, оказывается, смеялись во время свадьбы над тем, что она поспешила'.

Таким образом, примеры показывают, что «причастие» *-gan* в узбекском языке, будучи весьма производительной формой, может употребляться как в *атрибутивной*, так и в *субстантивной* функции. В связи с этим некоторые ученые были убеждены, что в субстантивной функции форма *-gan* ведет себя как имя действия, масдар [21, с. 18]. Но особенность рассматриваемых форм заключается в том, что они не являются и чистыми именами действия, ведь в этом случае игнорируется выполняемая ими адъективная функция.

Необходимо осознавать, что эти формы являются **двухфункциональными**, в их задачу входит выступать в роли как глагольных атрибутивов, так и глагольных субстантивов. При этом обе функции, по всей видимости, воспринимаются в качестве равнозначных с *функциональной* точки зрения.

Таким образом, на основании фактического материала узбекского языка становится понятным, что использование термина «причастие» по крайней мере для таких глагольных форм, как форма *-gan*, некорректно, так как этот термин не вскрывает их грамматической природы и не отображает всего функционального многообразия, которое свойственно исследуемым формам.

Среди современных исследователей нередко можно услышать мнение, что термин — это всего лишь название, а определение его может быть разным в зависимости от различий в конкретных языках. Поэтому очень часто тюркологи используют термин, а затем дают ему определение, соответствующее функциям описываемых ими конкретных форм конкретного языка [22, с. 227]. На наш взгляд, важность любого термина заключается в том, чтобы он, во-первых, правильно описывал сущность и функции языкового явления, а во-вторых, стремился к универсальности и понятности для исследователей различных мировых языков.

Вследствие вышеприведенного предлагается именовать глагольные формы типа узбекской формы *-gan* термином «субстантивно-адъективная форма», сокращенно — САФ. Этот термин уже используется некоторыми тюркологами [5, с. 122–126; 13, с. 46–49; 16, с. 61–80], потому что он отражает как семантические свойства рассматриваемых глагольных форм (представление действия в образе и предмета, и признака), так и их синтаксические особенности (выступать в высказывании и в функции подлежащего или дополнения, и в функции определения).

Термин «причастие» также применим для тюркских языков и употребляется для обозначения форм, которые имеют исключительно атрибутивное значение, т.е. для обозначения глагольных форм, сочетающих в себе одновременно признаки глагола с признаками прилагательных [23, с. 185; 24, с. 226]. Как показывает М. Ш. Маматов, в узбекском языке настоящим причастием является только одна форма — форма с показателем *-ovchi* [13, с. 45].

Литература

1. Дубровина М. Э., Мухитдинова Х. С. Сравнительно-типологический анализ причастия с показателем *-gan* в узбекском языке // Российская тюркология. 2011. № 2 (11). М.; Казань: от имени РКТ при ОИФН РАН — И. В. Кормушин, 2014. С. 41–47.
2. Андерхилл Р. Причастия в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. Проблемы современной тюркологии. М.: Прогресс, 1987. С. 324–339.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
5. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: на материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 165 с.
6. Иванов С. Н. Курс турецкой грамматики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. Ч. 2. Грамматические категории глагола. 88 с.
7. Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности (VIII–XI вв.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 190 с.
8. Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte Osmanli). Paris: Leroux, 1921. 1218 p.
9. Гузев В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л.: Наука, 1976. С. 56–64.

10. Гаджихамедов Н. Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1998. 70 с.

11. Телицин Н. Н. Атрибутивные и субстантивно-атрибутивные формы древнеуйгурского глагола // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата: Наука, 1988. С. 96–103.

12. Телицин Н. Н. Инфинитивные формы глагола в древнеуйгурском языке (на материале древнеуйгурских памятников из Синьцзяна): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 22 с.

13. Маматов М. Ш. К вопросу о категории номинализации действия (на материале узбекского языка) // Советская тюркология. Баку, 1988. № 5. С. 41–52.

14. Маматов М. Ш. Вторичный предикат, выраженный субстантивными формами, в современном узбекском языке. Ташкент: Фан, 1990. 140 с.

15. Тыдыкова Н. Н. Об имени действия в алтайском языке // Язык и культура алтайцев (сборник научных статей) / отв. ред. А. Т. Тыдыкова. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского университета, 1993. С. 69–75.

16. Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 227 с.

17. Дубровина М. Э. Опыт сравнительного анализа глагольных имен в турецком и якутском языках // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2012. Вып. 3. С. 15–23.

18. Дубровина М. Э. О термине причастие в тюркских языках (на примере якутского языка) // Модернизация и традиции: XXVI Междунар. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 20–22 апреля 2011 г.: Тезисы докладов / отв. ред. Н. Н. Дьяков и А. С. Матвеев. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 357–358.

19. Иванов С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на -ган и ее производные). Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. 152 с.

20. Гузев В. Г. Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол / под ред. В. Г. Гузева. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 289–351.

21. Ушаков Е. И. Синтаксические функции формы на -ган в современной уйгурском языке (на материале языка уйгуров, живущих в Синьцзяне): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956. 19 с.

22. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.

23. Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. 287 с.

24. Хисамова Ф. М. Татар теле морфологиясе. Казан: Мәгариф, 2006. 335 б.

Для цитирования: Дубровина М. Э. Об отличительных особенностях глагольно-именной формы с показателем *-gan* в узбекском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2016. Вып. 3. С. 4–15. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2016.301

Условные обозначения и сокращения

Alisher Navoiy aforizmlari — Афоризмы Алишера Навои

A. Qodiriy — Abdulla Qodiriy. “O’tgan kunlar” (Абдулла Кадыри. «Минувшие дни»)

H. Olimjon — Hamid Olimjon. “O’rik gullaganda” (Хамид Алимджан. «Когда расцвел абрикос»)

Oybek — Oybek. “Qutlug’ qon”, “Ulug’ yo’l” (Айбек. «Священная кровь», «Великий путь»)

A. Qahhor — Abdulla Qahhor. “Notiq”, “San’atkor”, “Sinchalak” (Абдулла Каххар. «Оратор», «Артист», «Птичка-невеличка»)

Sh. Rashidov — Sharof Rashidov. “Bo’rondan kuchli” (Шараф Рашидов. «Сильнее бури»)

A. Muxtor — Asqad Muxtor. “Chinor” (Аскад Мухтор. «Чинара»)

N. Aminov — Ne’mat Aminov (Неймат Аминов)

Maqollar — пословицы

S. Ali. KMM — Sabahattin Ali. “Kürk mantolu Madonna” (Сабахаттин Али. «Мадонна в меховом мантио»)

So’zl. — So’zlashuv nutqi (информант)

СНП, ПП — Сидорина Н. П. Турецко-русский словарь пословиц и поговорок. М., 2006.

R. Enis. — Reşad Enis. “Kanun namina” (Айген Решад Энис. «Во имя закона»)

RNG, MT — Reşat Nuri Güntekin. “Miskinler Tekkesi” (Решад Нури Гюнтекин. «Обитель дервишей»)

Ro’znomadan — из газет

ҮКК, КК — Yakup Kadri Karaosmanoğlu. “Kiralık konak” (Якуб Караосманлу. «Особняк в аренду») VÖ, МА — Vasif Öngören. Masalın aslı: birinci kitap: aydınlıktan karanlığa (Васыф Онгёрен. «Сказки») Л. Толстой — Лев Толстой. «Крейцера соната»
Струг. — Арк. и Бор. Стругацкие. Повести. Л., 1988
татар. — татарский язык
тур. — турецкий язык
якут. — якутский язык

References

1. Dubrovina M. E., Mukhitdinova Kh. S. Sravnitel'no-tipologicheskii analiz prichastia s pokazatelem -gan v uzbekskom iazyke [Comparative-typological analysis of the participle with the index -gan in the Uzbek language]. *Rossiiskaia tiurkologiya [Russian turkology]*, 2011, no. 2(11). Moscow, Kazan, 2014, pp. 41–47. (In Russian)
2. Anderkhill R. [Participles in Turkish]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XIX. Problemy sovremennoi tiurkologii [New in foreign linguistics. Issue XIX. Problems of modern Turkic studies]*. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 324–339. (In Russian)
3. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1966. 607 p. (In Russian)
4. Vinogradov V. V. *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [The Russian language. Grammatical doctrine of the word]*. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1947. 784 p. (In Russian)
5. Guzev V. G. *Ocherki po teorii tiurkskogo slovoizmeneniia: Glagol: na materiale staroanatoliisko-tiurkskogo iazyka [Essays on the Theory of Turkic inflection: Verb: On a material Old Anatolian Turkic language]*. Leningrad, Leningrad Univ. Press, 1990. 165 p. (In Russian)
6. Ivanov S. N. *Kurs turetskoi grammatiki. Ch. 2. Grammaticheskie kategorii glagola [Course of Turkish grammar. P.2: The grammatical categories of the verb]*. Leningrad, Leningrad Univ. Press, 1977. 88 p. (In Russian)
7. Kondrat'ev V. G. *Grammaticheskii stroi iazyka pamiatnikov drevnetiurkskoi pis'mennosti (VIII–XI vv.) [The grammatical structure of language of ancient monuments of Turkic writing (VIII — XI cc.)]*. Leningrad, Leningrad Univ. Press, 1981. 190 p. (In Russian)
8. Deny J. *Grammaire de la langue turque (dialecte Osmanli)*. Paris, Leroux, 1921. 1218 p.
9. Guzev V. G. [The system of the Turkic nominal forms of the verb as a morphological category (based on Old Anatolian Turkic language)]. *Turcologica*. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 56–64. (In Russian)
10. Gadziakhmedov N. E. *Slovoizmenitel'nye kategorii imeni i glagola v kumyjskom iazyke (sravnitel'no s drugimi tiurkskimi iazykami)*. Avtoref. dokt. dis. [Inflection categories of name and the verb in the Kumyk language (compared with other Turkic languages). Thesis of Doct. diss.]. Makhachkala, DGU Publ., 1998. 70 p. (In Russian)
11. Telitsin N. N. [Attribute and substantively-attributive verb forms Ancient Uighurverb]. *Issledovaniia po uigurskomu iazyku [Studies in Uighur]*. Alma-Ata, Nauka Publ., 1988, pp. 96–103. (In Russian)
12. Telitsin N. N. *Infnitnye formy glagola v drevneuigurskom iazyke (na materiale drevneuigurskikh pamiatnikov iz Sin'tsziana)*. Avtoref. kand. dis. [Infinite forms of the verb in Old Uyghur language (based on Ancient Uighur monuments of Xinjiang). Thesis of PhD diss.]. Leningrad, Leningrad Univ. Press, 1990. 22 p. (In Russian)
13. Mamatov M. Sh. K voprosu o kategorii nominalizatsii deistviia (na materiale uzbekskogo iazyka) [About the category nominalizations action (on the basis of the Uzbek language)]. *Sovetskaia tiurkologiya [Soviet Turkology]*. Baku, 1988, no. 5, pp. 41–52. (In Russian)
14. Mamatov M. Sh. *Vtorichnyi predikat, vyrazhennyi substantivnymi formami, v sovremennom uzbekskom iazyke [Secondary predicate expressed substantive forms in the modern Uzbek language]*. Tashkent, Fan Publ., 1990. 140 p. (In Russian)
15. Tydykova N. N. [About action names in the Altai language]. *Iazyk i kul'tura altaitsev (sbornik nauchnykh statei) [Language and culture of Altai people]*. Ed. by A. T. Tybykova. Gorno-Altai, RIO Gorno-Altai'skogo universiteta, 1993, pp. 69–75. (In Russian)
16. Deniz-Iylmaz O. *Kategorii nominalizatsii deistviia v turetskom iazyke [Category nominalizations action in Turkish]*. St. Petersburg, St.-Petersburg Univ. Press, 2006. 227 p. (In Russian)
17. Dubrovina M. E. Opyt sravnitel'nogo analiza glagol'nykh imen v turetskom i iakutskom iazykakh [Experience of the comparative analysis of verbal names in Turkish and Yakut languages]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian Studies. African Studies*, 2012, issue 3, pp. 15–23. (In Russian)

18. Dubrovina M. E. [About the term of the participle in the Turkic languages (on the material of the Yakut language the Yakut language)]. *Modernizatsiia i traditsii. XXVI Mezhdunar. konf. po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki, 20–22 apreliia 2011 g.: Tezisy dokladov* [Modernization and tradition: XXVI International Conference on source and historiography of Asia and Africa, 20–22 april 2011 z.: Abstracts]. Eds. N. N. D'iakov, A. S. Matveev. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2011, pp. 357–358. (In Russian)

19. Ivanov S. N. *Ocherki po sintaksisu uzbekskogo iazyka (forma na -gan i ee proizvodnye)* [Essays on the syntax of the Uzbek language (in the form of -gan and its derivatives)]. Leningrad, Leningrad Univ. Press, 1959. 152 p. (In Russian)

20. Guzev V. G. [Verbal inflection in Turkish]. *Ocherki po teoreticheskoi grammatike vostochnykh iazykov: sushchestvitel'noe i glagol* [Essays on theoretical grammar of Oriental Languages: Noun and verb]. Ed. by V. G. Guzev. St. Petersburg, St.-Petersburg Univ. Press, 2011, pp. 289–351. (In Russian)

21. Ushakov E. I. *Sintaksicheskie funktsii formy na -gan v sovremennoi uigurskom iazyke (na materiale iazyka uigurov, zhivushchikh v Sin'zsiiane)*. Avtoref. kand. dis. [Syntactic functions of grammatical forms -gan in modern Uighur language (based on the language of the Uighurs living in Xinjiang. Thesis of PhD diss.]. Moscow., 1956. 19 p. (In Russian)

22. *Grammatika sovremenного iakutskogo literaturnogo iazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of modern Yakut language. Phonetics and morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 496 p. (In Russian)

23. Rassadin V. I. *Morfologiya tofalarskogo iazyka v sravnitel'nom osveshchenii* [Tofalar language morphology in comparative light]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 287 p. (In Russian)

24. Khisamova F. M. *Tatar tele morfologiyasi* [The morphology of the Tatar language]. Kazan, Məgarif Publ., 2006. 335 p. (In Russian)

For citation: Dubrovina M. E. Typological analysis of the participle with affix gan in the Uzbek language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian Studies. African Studies*, 2016, issue 3, pp. 4–15. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2016.301

Статья поступила в редакцию 21 апреля 2016 г.

Контактная информация

Дубровина Маргарита Эмильевна — кандидат филологических наук; maggydu@rambler.ru

Dubrovina Margarita E. — PhD; maggydu@rambler.ru